

В ПОИСКАХ ВЫСШЕЙ РЕАЛЬНОСТИ

Не упрощать проблему, представляющую общечеловеческий интерес

На материалы, публикуемые в рубрике, приходят отклики читателей. Очевидно, тема их заинтересовала. По характеру отдельных «полюемических стрел» в некоторых общественно-теоретических журналах можно судить об официозно-ортодоксальной реакции, выдержанной в старых добрых традициях диалектического материализма и «научного атеизма», — однозначно негативной. Любопытно, что нередко все это — в соседстве или даже обрамлении текстов (например, русских философов), прямо-таки дышащих глубокой религиозностью, где если и позволительны комментарии, то лишь сугубо нейтральные. Всеядный объективистский плюрализм (эклетицизм)? Или больно уж мудреная позиция? А может быть, все гораздо проще. Потрафить читателю, изголодавшемуся по нескованному рациональными догмами мирозерцанию, но в «наживу» припустить «атеистический крючок», чтобы время от времени «одергивать» и напоминать о «банальных истинах», давно уже раскрытых «научной философией».

Едва в нашей литературе стало намечаться новое понимание взаимоотношений науки и религии, философии и религии (здесь следует упомянуть статью В. Тростникова¹, ряд публикаций в «Науке и религии», в нашем журнале², а также материалы некоторых дискуссий последнего времени³), как последовали один за другим научно-философские заряды, нацеленные именно в этот едва затеплившийся огонек иного видения проблемы.

Какими же принципами не поступаются, какие аргументы приводят, чтобы и дальше в ортодоксальном материалистическом духе разводиться и противопоставлять религию и науку?

Аргумент *первый*: среди утверждений религиозного характера, признаваемых, безусловно, истинными, встречаются такие, которые содержат логические противоречия, не поддающиеся рациональному разрешению.

Л развед в науке не возникает логических противоречий? Некоторые из них воспроизводятся в самих основаниях, логическом фундаменте научного знания и до сих пор не могут получить рационального разрешения. А сверх того, в «научной философии» отдельные «противоречия основ» объективированы и рассматриваются как формы, отражающие «самую глубокую сущность» бытия — его внутреннюю раздвоенность (источник самодвижения). Многочисленные предрассудки и стереотипы в отстаивании Учения о Всеобщей Раздвоенности Единого, несмотря на доводы науки, логики, наконец, здравого смысла, заставляют думать, что раздвоенность, скорее, относится к особому состоянию философского сознания, сделавшему из противоречий фетиш и поклоняющемуся ему как Вечному Двигателю Вселенной и понесшему за это известный род «наказания свыше».

Любопытно обратить внимание на способ, которым раскрывается внутренняя противоречивость религиозных утверждений, например о всемогуществе, приписываемом Богу. Противоречие усматривается в наивной казуистике: «Может ли всемогущий Бог создать такой тяжелый камень, что не сможет его поднять?». Подходя к вопросу сугубо формально, с позиций старых схоластических споров, можно, конечно, усмотреть в этом противоречие. Ну а если не формально, а по существу, с точки зрения современной ступени человеческого мышления? Тогда становится ясно, что всемогущество отнюдь не включает и не предполагает всевозможного, не

¹ Тростников В. Научна ли «научная картина мира»? «Новый мир», 1989, № 12.

² Мирки на З. Бог и идея Бога. «Общественные науки», 1990, № 5; Яки Стенли. Существует ли Создатель? «ОН», № 6; Ладоренко В., Ладоренко О. Вера — род духовной свободы. Новый взгляд на религиозное сознание. «Общественные науки и современность», 1991, № 1; Тимошенко Э. Размышления о Боге, или Мир глазами физика.

³ Советско-американская встреча «Признание ценностей западной цивилизации» (М., 1989), а также ряд совместных обсуждений физиками, биологами, астрономами, обществоведами, философами проблем религии и науки, научного и религиозного сознания.

предполагает, например, набора разнообразных глупых и просто несуразных замыслов и поступков, иначе это было бы не всемогущество, а всепомешие.

С другой стороны, в математике (речь идет об ее основаниях) известны довольно близкие по своей логической природе утверждения, базирующиеся на таком представлении о всеохватываемости, как актуальная бесконечность. Они, действительно, приводят к логическим противоречиям, парадоксам, порождая нечто похожее на порочный круг в соответствующих определениях совокупностей (так называемые непредикативные определения, «обращенные на себя»). Вот эти противоречия, действительно, не получили рационального разрешения в истории науки. Наблюдения показывают, что противоречия в фундаменте научного мышления, указывающие на некий скрытый его порок (который «научная философия» представляет в качестве одного из главных его достоинств), проявляются именно в тех случаях, когда наука ставит перед собой задачу раскрыть «божественные предметы»: природу актуальной бесконечности, времени, пространства, движения, элементарной частицы материи, представить Вселенную как целое и т. д.

Аргумент *второй*: утверждение чудесного, вера в чудо являются необходимым элементом религиозности, а не науки. Но разве для науки уже не осталось чудес в этом мире, которые не поддаются рациональному объяснению и не подпадают под естественноприродные закономерности? Разве безумные идеи (вспомним Н. Бора) уже не являются мечтой ученого? Оставим в стороне такое чудо, как актуальная бесконечность, которая, по словам Тростникова, «в материальном мире пребывать не может», или свидетельства об инопланетных цивилизациях с их необычными возможностями. Сегодня, когда наука, казалось бы, находится в зените своего могущества, более четко начинает вырисовываться такое чудо, как человек, жизнь, сознание. Теории естественного происхождения сознания из низших неодушевленных форм материи испытывают сегодня колоссальные трудности, столкнувшись с расчетами, которые показывают ничтожно малую вероятность того, чтобы этот «естественный процесс» мог спонтанно, в порядке «самоорганизации» привести к возникновению такой удивительно взаимосогласованной и упорядоченной, невероятно сложной формы бытия. Эти вопросы уже поставлены в мировой науке. И на этом фоне ясно видно, что наша наука, философия, мировоззрение, пронизанное «научно-атеистической» идеологией, восходящей к «механистическим эпохам», просто еще не готовы к серьезному их обсуждению под этим новым углом зрения. Не повторится ли ситуация с кибернетикой, генетикой, информатикой? Чудом для науки остается и непостижимое устройство «божественных предметов», ставящих под сомнение приписываемые ей безграничные познавательные возможности.

Аргумент *третий*: стремление к рационализации и естественнонаучному объяснению религиозных догм противоречит иррациональной сущности религии (и даже разрушает религиозное чувство!); предметом религии является совсем не то, что является объектом науки. В известном смысле это так, но вся палитра отношений религии и науки в этой плоскости еще не охватывается. Ведь и религия, и религиозность разнообразны. Встречается именно такое отношение религии к науке (в истории случаются и более жесткие варианты). Однако взаимоотношения сторон могут быть и иными, когда в центре внимания оказываются вопросы перво-степенной мировоззренческой важности: как возникла наша Вселенная? какой смысл имеет начальный момент расширения Вселенной, предсказываемый современной наукой? и т. д. В этих случаях наряду с расхождениями научных и религиозных воззрений возникают ситуации (они достаточно хорошо известны), когда научные аргументы используются другой стороной или самими учеными для подтверждения «ненаучной» точки зрения (например, о творении Вселенной).

Особый интерес представляют своеобразная переключка религиозных и научных идей, использование одних в целях развития других. Так, в статье Б. Ласточкина характеризуются религиозные корни ряда важнейших философских и научных идей. А Стенли Яки в упомянутой статье прямо говорит: «наука обязана рождением своим христианству».

Раскрываются возможности использования идеи триединства для характеристики изменений в логическом фундаменте современного научного мышления. Для уточнения возможностей познания «божественных предметов» и преодоления некоторых устаревших философских стереотипов оказалось полезным понятие «совпадение противоположностей», сопряженное с теософской традицией рассматривать противоположности совпадающими в Боге. В то же время анализ процесса совладения противоположностей, как он происходит в современной науке, позволяет выявить логические недостатки отдельных трактовок религиозно-философского характера (например, у С. Франка), где совпадающие противоположности рассматриваются в антиномической форме.

Но что важно еще отметить: в связи с анализом этих вопросов начинает глубже обнаруживаться изначальная узость традиционной идеологии «научного атеизма», на которой

⁴ Ласточкин Б. Так что и чем предопределено? «Общественные науки и современность», 1991, № 5.

⁵ Алтухов В. Марксистская диалектика стоит перед вызовом времени. «Общественные науки», 1990, № 5.

⁶ Его же. Цель исканий человеческого духа. «Общественные науки и современность»,

зигдуются упомянутые и им подобные аргументы. Хотя под религией — предметом критики — здесь имеется в виду весь свод религиозных верований, однако в действительности они представлены, главным образом, священным сводом определенных догм (Ветхий Завет, Евангелие, Коран), которые считаются преподанными Богом. За рамками «научно-атеистической» критики, хотя она и претендует на всеобъемлющий охват своего предмета, строго говоря, остается, например, ряд философско-религиозных систем Востока, которые изначально основой бытия признает Единую Реальность, не постижимую для человеческого понимания («ТО»). Считается, что Творящая Сила, или Личный Бог, будучи проявлением этого Великого Неизвестного, подчиняется тем же неизменным космическим законам, что и всякое иное проявление «ТОГО». Это уже иной взгляд на мир (и, добавим, место человека в нем) по сравнению с христианско-религиозным мировоззрением. Причем это не просто взгляд, имеющий свои специфические особенности, но взгляд из другой картины мира — мира, который правильнее было бы назвать многомерным. И такой взгляд лишь искусственно можно включить в предмет «научно-атеистической» критики (если, конечно, оставаться на почве «научного атеизма», заявленных им исходных принципов).

Понятие «Высшая Реальность», разрабатываемое в русле иного понимания отношений религии и науки, позволяет охватить различные картины мира, по-новому поставить вопросы о его строении. Исключительный интерес представляют обращение к «человеческому измерению» Высшей Реальности, осмысление человека (с его космическими, но большей частью связанными, затемненными или искаженными возможностями) как микрокосма, — отражения Вселенной и подобия Бога, проявления творческих космических сил⁷. К этой теме мы уже обращались. Новые ее стороны, грани — в контексте своеобразного миропонимания, особенно близкого современным интенциям к единению и возрождению человечества — раскрываются в предлагаемых ниже текстах Н. Рериха.

Отдел философии и религиоведения

В этом номере мы представляем читателю два фрагмента из малоизвестной книги Николая Рериха «Твердыня пламенная» (Нью-Йорк, 1932) — «Майтрейя» и «Великая Матерь». Предисловие к публикации написано известным востоковедом доктором филологических наук Татьяной ГРИГОРЬЕВОЙ.

Публикация подготовлена Людмилой ШАПОШНИКОВОЙ.